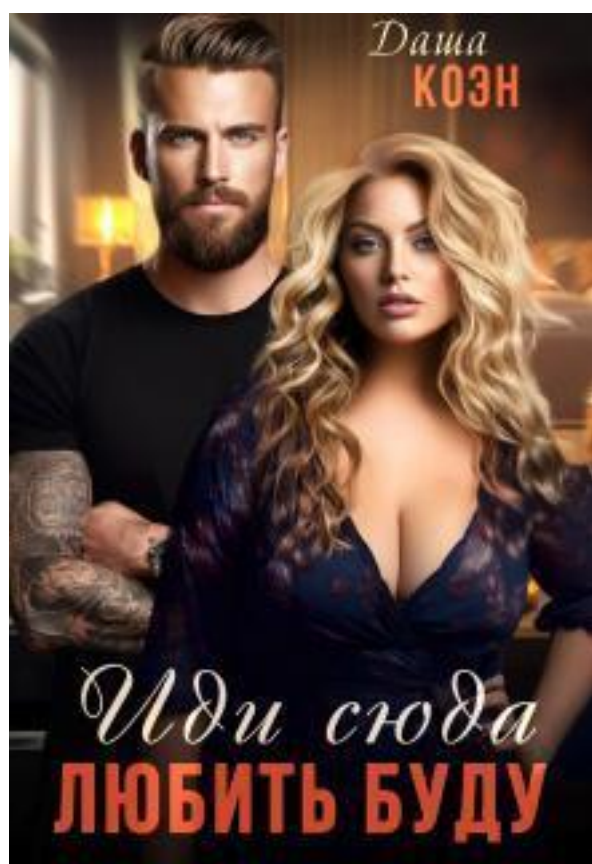

Даша
КОЖИ

Иди сюда
ЛЮБИТЬ БУДУ

Даша Коэн

Иди сюда - любить буду

«Литнет»

2024

Коэн Д.

Иди сюда - любить буду / Д. Коэн — «Литнет», 2024

БЕСТСЕЛЛЕР! Спасите! Помогите! Насилуют! Погодите-ка.... У меня же в сумке палка колбасы завалялась и литр молока еще тоже. Сама справлюсь! Огреть насильника? Прибить чудовище? Вперед и с песней! Ах, что ты там бормочешь? Перепутал меня с девушкой легкого поведения? Поздно пить «Боржоми», милый, когда печень отказала. Ах, еще не отказала? Ну, тогда иди сюда, я тебя еще раз сумкойогрею!

© Коэн Д., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1 – Я тебя съем!	5
Глава 2 – Пардоньте	9
Глава 3 – Любовь – мое второе имя	12
Глава 4 – Жилетки	17
Глава 5 – Уел	20
Глава 6 – Дура	23
Глава 7 – Не формат	26
Глава 8 – Новая жизнь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1 – Я тебя съем!

Нина

— Зачем тебя сюда вставили, чудо прогресса, если ты халтуришь тридцать пять дней в месяц? У-у, сволочь окаянная!

Лифт опять не работает, а я устала как собака. Сил нет! Сурово грожу кулаком бесполезной жестяной банке, строя максимально грозную физиономию. Я ж на последнем живу, ну сколько ж можно-то?

Вздыхаю горестно, но всё-таки поднимаюсь по пролётам простой пятиэтажной хрущёвки. На третьем вымученно морщусь. И не оттого, что устала, нет. А оттого, что сверху опять хочется музыка и слышен громкий мужской смех и напутствия.

— Спасибо, что пригласил, Мих! Давай, может, в выходные махнём ко мне на дачу, девчонкам задницы вениками подерём, а?

— Не вопрос, Костян! Драть девчонок — это вообще моя тема.

От этих чудесных слов вынуждена остановиться и изобразить рвотный позыв. А ещё воскресить в уме простую истину: все мужики — козлы.

— Ай, красава! Я аж молодость вспомнил!

— Давай, на созвоне.

— Ага...

Спустя минуту мимо меня пробегает, слегка покачиваясь из стороны в сторону, здоровенный детина с бородой, в косухе и бандане на, очевидно, лысой башке. Подмигнул, почти изловчился, чтобы ущипнуть меня за задницу, но я горной козой отпрыгнула сразу на две ступеньки выше.

— Клешни прочь!

Подмигнул. Заржал. Кивнул наверх и скабрёзно улыбнулся.

— Шевели булочками, красивая, там тебя уже голодный дядя Миша заждался.

Я же только закатила глаза и потопала дальше. Ну а зачем мне вести пикировку с каким-то отбитым на голову и нетрезвым качком? Смысл? С виду же всё понятно — дубина обыкновенная. Считайте, что сорняк.

Но вздохнуть второй раз горестно всё-таки пришлось. Потому что всё: накрылся мой спокойный, ванильный вечер медным тазом. Опять в квартире напротив пати у дяди на кровати намечается.

А ведь как раньше было хорошо. Жилось мне в этом доме тихо и мирно аж целых пять лет, а потом случилась хоба! Соседи мои по площадке на юга переехать решили и квартиру свою сразу же на продажу выставили. И можно было бы подумать — ну кому она нужна? А нет, купили.

А потом нате.

Год! Целый год я с ума сходила. То стучат, то сверлят, то всё вместе. Думала, на стенку полезу. И вот закончились мучения, я даже перекрестилась и клятвенно пообещала, что зайду в церковь и свечку поставлю за упокой всех в мире ремонтов. Не успела...

Неделю назад началось.

Районы, кварталы, жилые массивы,

Я ухожу, ухожу красиво.

Признаться честно, я сама чуть красиво на тот свет не отошла, потому что меня эта милейшая композиция разбудила в мой законный выходной. И неважно, что на часах половина первого дня. Важно, что на дворе суббота!

Встала, умылась, оделась, ещё пару раз нервно дёрнулась от громких визгов-писков за стеной, а потом всё-таки вышла за дверь и принялась наяривать к соседям. Минут десять пыта-

лась достучаться, не меньше! Пока из недр квартиры наконец-то не послышался женский голос и мужской смех.

— Кто там?

— Сто грамм! — рычу я.

— А нам не надо. У нас уже есть, — и снова гомерический хохот.

— Открывайте немедленно! — дуксанула я в дверь ногой.

Но в ответ мне был только громкий стон из глубины квартиры, говорящий о том, что обо мне давно забыли. Развратники!

— Нина, ты чего это тут буянишь? — с пролёта ниже окликнула меня соседка: старушка — божий одуванчик Прасковья Ильинична.

— Это они буянят, — указала я на ненавистную дверь, — спать не дают.

— Там Мишенька живёт.

Кто? Мишенька? Пф-ф-ф...

— И что?

— И то, Нина. Мужчина порядочный, работающий. Вчера мне полку прибил и бесплатно с друзьями старый рояль из гостиной на помойку вынес. Карловне из тридцать седьмой бывшего мужа-пьяницу шуганул. А Борисовне из соседнего подъезда вообще, знаешь, что сделал?

— Не знаю и знать не хочу.

— Зря ты так, Нина.

— Святой значит, да? — скептически скривилась я.

— Святой! — кивнула соседка. — Так что ты тут смуту нам не наводи, Нина.

— Ну вы ещё помолитесь на него!

— Так мы уже...

Я же на эти слова только фыркнула, закусил губу, чтобы не сболтнуть лишнего, да домой потопала. А потом неделю вот эту срань господню терпела. И день и ночь за стенкой гуляли. Почему ночь? Да потому что очевидно, что спальня Святого Михаила находилась точнёхонько за стеной от моей собственной кровати.

Короче, наслушалась я. Чуть уши в трубочку не свернулись.

Но самое эпичное меня ещё ждало впереди...

И вот, спустя неделю Ада очередная вечеринка. И покой мне только снился...

Понуро плетусь по последним ступенькам лестничных пролётов, проклиная чёртов неработающий лифт и обдумывая план мести для неутомонного соседа. А может дверь ему вале-рианой облить? Или лучше сходить завтра в строительный магазин и прикупить перфоратор. А что, пусть тоже год заунывные рулады слушает, посмотрим потом, сколько останется от его святости. И да, там же куплю и суперклея или, может, даже монтажную пену и зафигачу этим делом замочную скважину. И пока святой Михаил будет всю эту гадость выковыривать, я спокойно порелаксирую на своём балконе с бокальчиком полусладкого.

Х-м, ай да я!

Наконец-то поднимаюсь на свою площадку и останавливаюсь у двери, ища ключи в сумочке. Пыхчу, найти в женских катакомбах что-то сразу и быстро миссия практически невыполнимая. Но вот уже мои пальцы почти смыкаются на металлическом кольце, но достать связку я так и не успеваю.

Позади меня слышится лязг открываемой двери, а потом одобрителное чуть хрипловатое урчание.

— Ах, вот и ты, детка!

Что? Или допился уже до чёртиков?

Вот только не успеваю я даже голову повернуть, как меня перехватывают поперёк туловища и тащат. Куда? Да к новому соседу же в квартиру, по всей видимости!

Всего пара минут полнейшего ступора, а потом дверь за нами закрывается.

Разворот на сто восемьдесят градусов и меня с силой впечатывают в стену, резко задирая узкую юбку почти до пупа.

— Ах, какая аппетитная девочка! Сладенькая булочка!

И пока это всё непотребное гадство со мной происходит, я просто стою в абсолютном шоке и позволяю себя лапать. Потому что ну, где это вообще видано, чтобы посреди белого дня святые Михаилы переобувались на ходу и превращались в дьявола во плоти, спятившего от похоти?

Ну раз понравилась я, то где вообще конфеты, букеты? Рестораны где? Прогулки под луной и оды любви в мою честь?

Словно со стороны взираю на супостата, что решил протянуть ко мне свои нетерпеливые клешни. Высок. Бородат. Тёмно-русая шевелюра. Габариты два на полтора, не меньше. Косая сажень в плечах и тугие, проработанные мускулы по телу. Правая рука вся разрисована татуировками.

А пахнет-то как, м-м-м... аромат из разряда «крышеснос»: море, мята, лаванда и сандал.

Что-то бормочет неразборчиво, но до жути довольно. А затем и вовсе рычит, накидываясь на меня с поцелуями.

— Хорошая какая. Я тебя съем!

Ну, ага, сейчас! Я девушка, приличная, между прочим! Утром деньги – вечером стулья.

Вот только пока я прикидываю, что кричать первым «спасите» или «помогите», обнаглевший в край сосед подхватывает под коленку мою ногу и закидывает её себе на талию, а затем уверенным движением ныряет под тонкое кружево моих трусиков, сразу же касаясь слишком запретных мест.

Круговой лаской пальцев выбивает из меня вопль и я, неожиданно для себя, откидывая голову назад, бьюсь затылком о стену, в отчаянной попытке не сойти с ума.

И наконец-то трезвею.

Но святой Михаил этого не замечает, он уже пытается вытряхнуть мою грудь из декольте и присосаться к ней своим алчным, совершенно бесстыжим ртом.

— Хочу тебя! — вновь впирается мне в губы. Его язык глубоко и уверенно толкается в меня снова и снова. Мои рецепторы вопят сереной от его вкуса. Им нравится — мне нет. Там столько всего: чуть-чуть виски, шоколад, немного табака и пьяной вишни.

Кошмар! На меня, конечно, бросались ухажёры, но чтобы вот так сразу — никогда!

— Мужчина, вы что себе позволяете? — пытаюсь я оттолкнуть от себя соседа, но куда мне тягаться с таким раскачанным в тренажёрном зале боровом.

— О, будь уверена, моя хорошая, с тобой я позволю себе всё.

— Губу закатайте. Сначала...

— М-м, строптивая. Ну ладно, я подыграю.

— Да погодите вы! — вновь пытаюсь вывернуться я, когда сосед прихватывает меня за затылок и тянет на себя.

— Не утруждайся болтовнёй, девочка. У меня есть более приятное занятие для твоего рта. Иди сюда — любить буду.

Бегу, аж спотыкаюсь!

И вообще, не нравятся мне такие ухаживания. Романтики хочу!

— Считаю до трёх! И, либо вы меня отпускаете, либо пеняйте на себя! — угрожающе рычу я, уворачиваясь от его рук.

— Отпущу, когда отработаешь.

— Чего? — стопорюсь я и обалдело выпучиваю глаза.

— Я заказывал сговорчивую девчонку. Я плачу — ты делаешь мне приятно. Ясно? Что началось-то теперь? Завязывай давай, моя хорошая.

Это шутка такая, да?

— Вы чего это удумали? — я даже рот приоткрыла от изумления. — Я вам не девка продажная!

— Ещё какие сказки расскажешь? — облизнулся он, окидывая меня с головы до ног горящим и по-мужски пробирающим взглядом.

Так значит это не брачные игры. Святой Михаил всего лишь принял меня за потаскуху!

И так на душе стало паршиво...

Ах, так? Ну тогда получай, фашист, гранату!

Я резко подняла сумку, в которой лежала палка колбасы и бутылка молока, и приложила ею по наглой бородатой физиономии. Сильно!

А потом одёрнула юбку и стремглав выбежала за дверь...

Глава 2 – Пардоньте

Нина

Никогда прежде я не выуживала ключи из сумки так быстро, как это случилось сегодня. Врезалась в замочную скважину, прокрутила два оборота и за порог. А там заперла дверь на все засовы и облегчённо привалилась к ней, с тихим скулежом опускаясь на пол и пряча горящее лицо в ладонях.

Ну ни фиги себе!

Весёлые старты прям, вашу ж маму.

Последнее препятствие только не прошла — на козла напоролась.

Подняла голову и с сомнением взглядела в собственное отражение в висящем напротив меня зеркале.

— Ну и в каком месте я на путану похожа, кто-то может мне сказать? — надула я губы и покрутила головой туда-сюда.

Хотя...

Вот именно сейчас, растрёпанная, помятая и с обглоданными святым Михаилом губами, было небольшое сходство. Ах, ещё и на чулках расползлась уродливая стрелка. М-да...

Прикрыла глаза и откинула голову назад, врезаясь затылком в обшивку двери. Облизнулась, до сих пор чувствуя вкус соседа на губах. Сволочь! Но надо отдать ему должное — он умел целовать.

И трогать правильно умел.

Вон, предательские мурашки до сих пор по телу ползают, ожидая, когда умелые пальцы запустят очередную волну тока по коже. Эх, жаль, все эти качества и умения принадлежат отъявленному мудаку.

— Я плачу — ты делаешь мне приятно, — скривилась я и передразнила уверенный баритон соседа. — Ага, бегу — волосы назад.

Покряхтела и поднялась с пола, оглядывая мимоходом свою фигуру.

— Аппетитная девочка? Сладенькая булочка? — улыбнулась я отражению и подмигнула. — Ну, тут не соврал. Всяко лучше, чем все эти сушёные воблы, бродящие по улице с табличкой подсчёта калорий в уме.

О, точно!

Хмыкнула и потопала на кухню, вспоминая, что именно там, в холодильнике стоит мой любимый «наполеон» и ждёт, когда же Нина придёт и заест им свои стрессы.

Клацнула кнопкой чайника, достала на свет божий торт и выставил его на стол. В пузатую кружку щедро насыпала растворимого кофе и почти приготовилась пировать, как услышала звонок в дверь.

— Подожди, родной, сейчас вернусь, — подмигнула я «наполеону» и двинула в сторону прихожей, на ходу думая, что пора бы уже завести себе кошку или собаку, чтобы выглядеть не совсем придурочной и разговаривать хотя бы с кем-то живым.

Прежде чем открыть неожиданному гостю, глянула на себя ещё раз критично в зеркало, поправила волосы и блузку, да сняла с ног испорченный чулок. Вдохнула тяжело и провернула все замки, распахивая дверь.

И выпала в нерастворимый осадок.

— Шерше ля фам!

Ну капец!

Святой Михаил собственно. Стоит во плоти. Рубашку напялил и улыбку на бородатое лицо. Щерится так, будто бы не он только что надо мной в собственной прихожей планировал

надругаться. Но самое удивительное во всей этой картине маслом было то, что держал сосед в своих руках бутылку вина.

На вскидку — красное, сухое.

У-у-у, супостат! Я люблю белое, полусладкое!

— Же сви пердю, — хмыкаю я и складываю руки на груди, но тут же опускаю их, так как вижу, как голодно и по-мужски жарко на меня зыркнул этот недоделанный француз.

— Моя твоя не понимать, — широко улыбнулся сосед, обнажая белоснежные зубы с ярко выраженными клыками.

— Квартирой ошибся? Прасковья Ильинична живёт этажом ниже, — говорю, а сама не могу оторвать взгляда от сильных рук, которые сжимают чёртову бутылку. Ещё совсем недавно они точно так же сжимали меня. Везде!

— Кусаешься сразу? — и состряпал обиженный вид.

Ну конечно, ему после всех выкрутасов только за пострадавшую сторону косить. Бесстыжий, бессовестный!

— А я поговорить пришёл. Пустишь?

Прищурилась. Просканировала этого качка переростка подозрительным взглядом и максимально величественно кивнула.

— Поговорить?

— Да, — отвечает святой Михаил и я даю ему знак проходить внутрь, сама тут же двигая в сторону кухни и получая в спину слишком самодовольное, — а дальше уж как пойдёт.

— Чего?

— Шутю, шутю! — поднимает он руки с бутылкой вверх и подмигивает мне.

— Ты сохранился, что ли? Предупреждаю на берегу, я владею чёрным поясом по битью чугунной сковородкой невоспитанных мужланов.

— Я воспитанный.

— Вот и не беси.

Садимся за мой кухонный стол. Предварительно приходится поставить перед гостем чайную пару и отпилить ему кусок торта.

Молчим. Сосед оглядывает мои владения. Я оглядываю его. Под ложечкой сосёт — не люблю я таких мужиков. Весь прям полыхает самоуверенностью и, положив руку на сердце, ему есть за что. Фигура — бедный Арнольд нервно курит в сторонке. Внешность — скандинавский бог. Татуировки, красивые руки, мощные запястья, глаза голубые...

Теперь понятно, почему Прасковья Ильинична причислила этого персонажа к лику святых.

Брутальный херувим, ни дать ни взять...

— И долго молчать будем?

— Штопор дай, — отставляет он в сторону свою и мою дымящуюся кружку с кофе, — и два фужера.

Предпочитаю не спорить. А затем чуть пригубляю из бокала и удивляюсь действительно богатому букету напитка. Ладно, допустим, прогиб засчитан.

— Извиняться пришёл, значит? — отламываю я кусочек торта вилкой и подношу его ко рту.

— Договариваться.

— Даже так? — непонимающе передёргиваю я плечами и снова ловлю этот полный тёмного желания взгляд. Сглатывает, как-то даже слишком нервно отпивает из своего бокала и облизывается.

Я рдею, как маков цвет. Ни один комплимент не может сравниться с вот этой демонстрацией неприкрытого мужского желания. И работает это как мощный допинг для женской самооценки.

Раз — и за спиной расправляются крылья.

Ещё давай!

— И о чём будем договариваться?

— Хочу тебя, — рубит святой Михаил напористо и жёстко, а мне в низ живота резко бьёт раскалённая молния.

Ой, мамочки...

А в следующее мгновение мои только что отросшие крылья вспыхивают и сгорают в огне разочарования. Потому что сосед продолжает гнуть свою линию.

— Скажи сколько? Деньги не вопрос.

М-м-м...

Вот это перевернулся на моей улице грузовик с арбузами! Вот это да!

Ну ничего, где наша не пропадала, правда?

Растянула губы в пластилиновой улыбке, поднялась из-за стола и шагнула к кухонному гарнитуру. Дёрнула на себя нужное отделение и с грохотом достала оттуда увесистую чугунную сковороду.

Оскалилась.

Повернулась к святому гамадрилу. И любезно поинтересовалась:

— Бегаешь быстро?

— Что? — недоумённо нахмурился сосед.

— На старт, внимание, марш!

Глава 3 – Любовь – мое второе имя

Нина

Я всегда думала, что мужики делятся на три категории: мудак, дурак и редкая, почти никем не встречаемая форма жизни — принц на белом коне.

Так вот, сегодня я поняла, что есть ещё и четвёртая категория — олень волшебный, подвид загадочный. Угадайте с одного раза, кого именно я к этому вымирающему виду отнесла?

Но!

Надо отдать должное, сверкать пятками этот персонаж умел знатно. Ну и соображал тоже шустро. Стоило мне только как следует замахнуться на его бородатую башку сковородкой, как тут же святой Михаил, аки горный козёл, подскочил с места и кинулся спасаться бегством.

— Сумасшедшая!

— Беги, Мишаня, беги! — постукивая днищем сковороды по ладони, приговаривала я, а затем рассмеялась как самое настоящее зло во плоти.

— Ничего вы бабы не цените! — громыхал он своим басом уже из прихожей.

— Вот же дуры, да?

— Да! Врём — плохие. Правду-матку рубим — ещё хуже.

— Ты только не сдохни от разочарования, Мишань, — поравнялась я с ним, когда он уже открыл дверь и одной ногой стоял за порогом.

— Я прозрел! — вперил он в меня свои голубые глазищи и улыбнулся. Ласково так, что я даже замешкалась, раздумывая убивать его сегодня или всё-таки отложить удовольствие на завтра.

— Чего?

— Пригляделся и...

— Ну?

— Перехотелось.

— Ах, ты! — замахнулась я чугуном и ринулась в сторону супостата, чувствуя, как глаза наливаются кровью от бешенства.

А этот только хохочет и к себе бежит, улюлюкая и подначивая меня на все лады.

— Теперь сама меня уговаривай...

— Идиот! — заорала я уже в его, закрытую перед моим носом, дверь.

— Истеричка!

— Ещё слово и я тебе всю дверь валерианкой оболую!

— Я ждал от тебя большего...

— У Прасковьи Ильиничны три кошки, Мишань. Не доводи до греха.

— Всё, ты окончательно пала в моих глазах. И куда я вообще смотрел?

Пробубнил этот гадский гад из-за двери и мне неожиданно стало так обидно, что грудь резко заходила ходуном. А через мгновение дыхание и вовсе спёрло. Ну всё!

Подняла руку, врезала сковородой по ни в чём не повинной двери и проорала напоследок:

— Ходи и оглядывайся теперь, смертник!

— Ой, да ладно тебе горло драть. Так и скажи: влюбилась с первого взгляда, а ты мне, нехороший сосед, все надежды на романтику обломал. А не вот это вот всё.

— Влюбилась? — вспыхнула я с ног до головы и, кажется, даже из ушей пар повалил.

— Скажи, нет?

— Нет!

Ржёт, придурок бородатый. Весело так, аж захлёбывается.

— У меня...

— Ну?

— Вообще-то...

— Так-так?

— Парень есть! Ясно?

— А твой парень нормально реагирует на то, что его благоверная в дом незнакомых соседей водит вино пить?

— Козёл! — выпалила я и вконец расстроилась.

Сильно! Даже подбородок задрожал. Развернулась и под весёлый смех святого гамадрила я потопала себе в квартиру, а там села за кухонный стол и принялась глушить ненавистное красное сухое, закусывая его любимым «наполеоном».

Под занавес бутылки не выдержала и расплакалась. Вспомнила покойного мужа Степку, который с первой встречи носил меня на руках и пылинки сдувал. А ещё он неизменно называл меня «моя королева» и каждый божий день заставлял верить в то, что я исключительная. Любимая. Незаменимая. И вообще, самая-самая лучшая девочка на свете.

Восемь лет прошло, как муж ушёл от меня на небо, а я так и не смогла никем его заменить. Потому что он был мужчиной с большой буквы, а не гамадрилом в бородастом обличье качка-переростка.

Ну ничего-ничего, мы ещё ему покажем!

На этой минорной ноте я и потопала смывать макияж и приводить себя в порядок перед сном. А после, раздевшись и облачившись в до одури красивую шелковую пижаму ярко-алого цвета, я легла на скрипучий диван и принялась моститься на нём до бесконечности долго.

Сон не шёл.

В голове фантомными вспышками мелькали картинки минувшего дня, а по коже струились афтершоки от прикосновений грешного Михаила. За рёбрами тоскливо заныло. И не по соседу — нет. По счастью. Обычному такому женскому счастью, где дом — полная чаша, а в нём детский смех. И сильные руки ежедневно страхуют, позволяя ошибаться, рисковать и быть просто его женщиной.

Потому что он — стена. А я за ней.

И по ночам наступает магия — любовь вспыхивает и укутывает в своё мягкое одеяло. Он рядом — и больше ничего не надо.

Но жизнь моя к тридцати трём годам сложилась так, что всё у меня было как у людей: квартира, работа, пару кредитов, отпуск раз в год и дача в розовых мечтах. А вот с любовной любовью так и не сложилось.

Но я свято верила в то, что лучше буду одна, чем рядом с кем попало.

Уснула под гул собственных неугомонных мыслей, а утром проснулась и поняла, что на стрессе и после бутылки вина, забыла поставить будильник. И проспала. По жести!

Собиралась как не в себя. Одновременно чистила зубы и вызывала такси, а затем уже на ходу заливала в термос крутой кофе без сахара и молока. Повязала на тело платье-халат боевого защитного цвета, мазнула по губам морковным тинтом, обула палёные Лабутены и вышла за дверь, кликая по кнопке лифта и молясь всем богам, чтобы он в кои-то веки работал.

И свезло!

Кряхтя и тужась, металлическая консервная банка принялась карабкаться на мой этаж, а когда сделала это и распахнула передо мной свои исклеенные рекламой ворота, то я внутренне трехэтажно выматерилась.

Почему?

Потому что позади меня открылась входная дверь святого гамадрила, а спустя всего секунду я услышала его насмешливый голос:

— Однако утро перестаёт быть томным...

Вся покрываюсь льдом и чувствую яд на языке, но к соседу поворачиваюсь уже с лучезарной улыбкой во все свои тридцать два зуба и подмигивая, кокетливо накручивая длинный, белокурый локон на указательный палец.

Святой Михаил тут же спотыкается на ровном месте, жалко только, что не падает и не ломает конечности в трёх местах. Вангую: «Илизаров» был бы ему невероятно к лицу. Но, увы. А потому мне лишь остаётся лицезреть лёгкий утренний шок в голубых глазах соседа и его хмуро сведённые брови.

Но и это не всё.

Я отступаю в сторону и делаю приглашающий жест внутрь жестяной банки, зовущейся лифтом:

— Прошу вас, Гамадрил Поликарпович, проходите. И езжайте себе с богом.

— Мироточишь с утра пораньше, женщина?

— Всё для тебя, дорогой, кушай с булочкой.

Створка лифта закрылась от продолжительного ожидания, но я снова по ней жамкнула и улыбнулась:

— Шевели колготками!

— А чего это тебе не в радость со мной в лифте прокатиться? — и сосед сделал шаг ближе.

— Соображаешь.

— Во дела. А я с утра намарафетился: помылся, надухарился, футболку вот новую надел, — и показательно оттянул на себе белоснежный хлопок, а потом и поднял его чуть ли не до подбородка, демонстрируя восемь идеально вылепленных кубиков пресса и эту блядскую дорожку, уходящую под пояс его чёрных джинсов.

У меня аж глаз от такой наглости задёргался, а лифт вновь закрылся, но ненадолго, потому что я снова шаррахнула по кнопке, вымещая таким образом своё бешеное бешенство.

— Заплываешь жирком, я смотрю, — прищурилась я на один глаз и зацыкала языком.

— Где? — ещё выше поднял футболку святой Михаил и медленно огладил свои сухие мышцы. — Ну-ка покажи пальцем.

— Перетопчешься, — фыркнула я и отвернулась, продолжая тем не менее коситься на этого упыря.

— Наверное, тебе показалось.

— Вот уж не думаю, — огрызнулась я, а потом вскрикнула, когда сильные руки неожиданно подхватили меня и бесцеремонно внесли в лифт.

— Ты... ты...

— Охрененен?

— Нет!

— О, неужели ещё лучше? Ну, ты мне льстишь, булочка.

— Отпусти!

— Ты сначала покажи жирок на моём прессе, тогда и отпущу!

А между тем, дверь за нашими спинами закрылась, и скрипучая консервная банка принялась натужно ползти вниз, пока сам святой Михаил зачем-то притиснул меня к стенке лифта и принялся томно шептать мне на ухо всякую ахинею.

— Что, равнодушна ты ко мне всё-таки, красавица?

— Зришь в корень, Мишаня — я впервые в одном шаге от жестокого расчленения.

— Бог ты мой, женщина! Вот это я тебя завёл с утра пораньше. А ты представь, что между нами вспыхнет, когда мы окажемся в одной постели и я всё-таки заставлю тебя хорошенечко проораться. От кайфа...

— О, заткнись!

— Ну да. Рот на замок. Мы же договаривались, что теперь твоя очередь ко мне подкатывать. Только чур деньги не предлагать, я тебе забесплатно отдамся, так уж и быть.

— Твои подкаты отвратительны!

— Твои формы восхитительны!

И смачно прихватил меня за задницу, до сладкой боли сжимая ягодицы, а затем словно пушинку приподнял меня, и наши горящие взгляды встретились. Воздух затрещал от электричества. Кажется, даже прогремел гром. А в голове разорвалась парочка убойных петард.

— Не смей, — предупредила я шёпотом, чувствуя, как многозначительно упирается мне в низ живота бляшка его ремня.

А тем временем лифт закончил своё движение и с отвратительным лязгом остановился. Створка открылась, а мы все полировали друг друга испепеляющими взглядами.

— А то, что? — и язык святого Михаила нагло лизнул мою нижнюю губу.

— Лучше тебе не знать, — пропищала я, в ужасе от его борзоты.

— А я парень рискованный, — и его губы резко и неотвратно накрыли мой рот.

Я ахнула.

И тут же вся наполнилась его вкусом: табак, кофе, мята. Наглый язык фактически насиловал меня. Но так томно и властно, что я впала в какой-то транс, позволяя делать с собой всё на свете. Двигаться во мне. Облизывать. Погружаться толчками. Кусать.

Мне оставалось только вцепиться в его волосы на затылке, в слабых попытках оторвать этот грешный рот от себя. Вот только ничегошеньки у меня не получалось.

— Ой, доброе утро! — в наш развратный мир ворвался голос Прасковьи Ильиничны, и я с перепугу, словно молодая горная козочка, тут же отыскала в себе силы спрыгнуть с ненавистного соседа и броситься бежать.

Куда?

Да куда глаза глядят.

— И вам не хворать, — прогремыхал за моей спиной баритон соседа, и я врубила пятую космическую.

Но стоило мне только выпрыгнуть из подъезда, как меня тут же схватили за руку и резко крутанули вокруг собственной оси.

— А ну, стоять!

Но нервы мои были так расшатаны, что я тут же, не спрашивая причины такой беспардонной остановки, подняла руку и со всей дури прописала святому Михаилу знатного леща.

— Значит, договариваться ты по-прежнему не желаешь? — даже не моргнул и не скривился он от моего удара.

— В яблочко!

— Женщина! — прорычал сосед брезгливо, отпустил меня и сделал шаг назад.

— У меня, вообще-то, имя есть! Ясно? Но кое-кто мыслями орудует исключительно ниже пояса, до остального ему и дела нет.

— Да знаю я твоё имя.

— Неужели? — вспыхнула я и сложила руки на груди.

— Любовь, — хмыкнул мужчина, а затем достал брелок и кликнул по кнопке, снимая с сигнализации здоровенный чёрный Гелендваген.

— А вот и нет, — поджала я губы, намереваясь утереть ему нос своим именем, но не успела.

— А вот и да. Знаю я таких, как ты — Одиноква Любовь Возбуждёновна.

— Ах ты, гад! — топнула я ногой и чуть не сломала каблук на своих палёных Лабутенах.

— Ага, гад, козёл, мудака и дальше по списку, — отдал мне этот святой мужик под козырёк, развернулся и пошагал к своему монстру на колёсиках, отвешивая мне на прощание лишь оскорбительное, — бывай, больше не побеспокою.

Нам том и разошлись.

А потом я спустилась в метро, кипя и негодуя и ещё почему-то стараясь не расплакаться. И всю дорогу я вчитывалась в книгу, у рядом сидящей женщины, с пугающим названием «чёрная магия», где на странице под номером шестьдесят шесть был в подробностях описан ритуал закрытия у мужчины его второй чакры, отвечающей за потенцию.

И руки мои зачесались...

Глава 4 – Жилетки

Нина

В свой салон красоты я вбежала запыхавшаяся как марафонец. Чёртова «чёрная магия» поглотила меня целиком, и я проехала аж две остановки, пока до меня не дошло, что дело пахнет керосином. Администратор Эдик посмотрел на меня укоризненно и покачал головой, а я лишь шикнула на него и повелительно наказала сварить мне большой и забористый капучино.

— Слушаюсь, моя госпожа!

— Вот! — тыкнула я в него пальцем и прищурилась. — И никакая я не Любовь.

— Что?

— Ничего Эдичка, работай, — встряхнула я своей белокурой гривой и припустила в зал, где уже трудились мои девочки.

Салон у меня был небольшой, но за много лет раскрученный. На первых порах опускались руки, и хотелось всё бросить, но потом, мало по малу, я обросла постоянными клиентами и вышла в плюс. Конечно, мама моя на старте крутила пальцем у виска, когда я решила переделывать, оставшуюся от бабушки, квартиру на первом этаже спального района, в быти-салон, но я была неумолима.

Да и новое дело помогло мне выбраться из зыбучих песков депрессии после смерти любимого мужа. Я врубила режим «электровеник» и пахала, как не в себя. А вечерами заедала стрессы вредной едой и мороженым, потихоньку превращаясь из стройной лани в то, что показывало моё отражение сейчас.

Поначалу я грустила. А потом решила, что с сиськами третьего размера и офигенной задницей мне живётся гораздо лучше и проще, чем доской с двумя сосками.

И я словила дзен. И существовала с ним душа в душу, пока в моей жизни не появился святой гамадил. Чтоб его черти отодрали во все священные отверстия! Аминь!

— Нинк, а Нинк? — окликнула меня топ-мастер ногтевого сервиса Карина, запиливая своей клиентке «кошачьи коготки».

— Ну?

— А чего это у тебя на лице маска Фредди Крюгера?

— Мужика с утра встретила, — буркнула я и шлёпнулась в пустующее кресло, принимаясь крыжить остатки реагентов.

— Симпатичного? — уточнила бровист Камила, орудуя горячим воском.

— Допустим, что да.

— Вау! — подала голос парикмахер-стилист Асемгуль, которую все мы звали просто Сёма.

— Требуем подробностей, — отозвалась её коллега по роду занятий Мария.

— Да нечего особо рассказывать, девочки, — тяжело вздохнула я.

— А чего так? — показался в зале Эдик и поставил передо мной чашку с капучино.

— Да потому!

— Давай колись, — тыкнула в мою сторону пинцетом Камила.

— Очередной балабол, — скатилась я в кресле и театрально приложила ладонь ко лбу.

— Ой..., — потянули все дружно, а я решила опустить некоторые щекотливые подробности, где меня хотели купить, как проститутку, и сразу перешла к жареному.

— Да, да. Самый худший мужской подвид, не в обиду тебе будет сказано, Эдичка, — пояснила я, а парень переспросил, перекидывая длинную чёлку с одного бока на другой манерным движением прожжённой дивы.

— Это который?

И я решила пояснить для особо одарённых, парадировав звучный баритон святого Михаила.

— Детка, послушай, как я тебя сейчас трахну!

— Лан, трахни, — хором потянули Сёма и Маша, а я щёлкнула пальцами и продолжила.

— Нет, ты всё-таки послушай!

Все в помещении дружно расхохотались. Одна из клиенток вообще от смеха хрюкнула. И только Эдик остался стоять и недоумённо смотреть на всеобщее веселье.

И тут мы дружно поймали стёб-волну. Девочка на маникюре потянула, пытаясь басить тоненьким голоском:

— Хэй, бэйба, ща я тебя так оттрахаю, что ты забудешь своё имя. Спустя две минуты: «ты как?».

— Я всё ещё Нина, — ухахатываясь, поддержала я.

И снова все заразительно заржали.

— Да все они на словах Львы Толстые, — закатила глаза подолог Маринка, которая всё это время молча обрабатывала фрезой запущенные стопы у своей клиентки.

— Ага, — кивнула я, — а на деле толстые львы.

— Ой, всё! — махнул на смеющихся нас Эдик и обиженно побрёл за своё рабочее место.

— И где ты повстречала такой образчик мужественности и чести, Нина? — спросила Камила.

— Сосед мой. Сначала год мне мозги перфоратором делал, теперь перешёл на более забористые предварительны ласки.

— У-у-у...

— Опиши его.

— Уф, — стушеввалась я, а затем оглянулась на себя в зеркало: покраснела с ног до головы. — Ну такой, знаете ли, махровый качок.

— Ой, Нина, не вздумай, — заголосила с педикюрного кресла клиентка, — были у меня тут пару раз бодибилдеры эти сраные, до сих пор отмыться не могу от позора.

— Всё так плохо? — выпучила я глаза.

— Плохо — это мягко сказано. Лучше сказать — катастрофа. Там писюлька как у мальтийской болонки и стоит она на половину шестого.

— Ой, — скривилась я и подумала, что бедному святому Михаилу никакая «чёрная магия» уже не поможет. Так что, пусть живет со своей полувялой второй чакрой дальше.

— Подтверждаю, — подняла руку та, что стриглась у Сёмы.

— И я, — подняла руку ещё одна.

— И я тоже, — потянула та, что делала себе брови. — Встречалась я тут с одним тренером по фитнесу два года. Оголодала, как волчара. А потом познакомилась с будущим мужем: маленький, плюгавенький, с зарождающимися залысинами. Но, чёрт возьми, девочки, как же качественно он выполнил свой первый забег на стометровку.

Вот тут мы дружно все и хрюкнули, а я вообще чуть на пол не упала, так меня прихватило веселье.

— А на лицо как, Нин? — спросила Сёма.

— Мощный. Такой, знаете ли, сорокалетний Тор.

— Вау! — снова загудели девочки, всё до одной, кроме Камилы.

— Гуляющий будет, — авторитетно заявила она, — все красивые мужики — блядуны.

— Да с чего ты взяла? — округлила глаза Машка.

— Ладно, я сейчас тебе всё докажу. Вот ты у нас же красивая девка, Манюнь. Так?

— Ну так, — кивнула она и улыбнулась своему отражению.

— Вот и скажи, чтобы ты делала, если бы на неделю в мужика превратилась?

В зале воцарилась почти гробовая тишина, нарушаемая только тихими звуками популярных музыкальных хитов, льющихся из динамиков стереосистемы. Но все, затаив дыхание, ждали, что же ответит Машка.

И она сдалась. А потом и выпалила:

— Пошла бы по бабам!

— Вот! — завопила Камила, и все вновь захохотали.

Так мы и предавались веселью ещё почти час. И на душе моей стало легче. Так всегда и бывало, когда я приходила на работу и вываливала на девочек все свои любовные неудачи. Они неизменно меня поддерживали, а я их за это ценила ещё больше.

И ведь немудрено, так как мы работали бок о бок вот уже долгих пять лет.

Наверное, не надо говорить, что из салона в конце рабочего дня я вышла на предельном позитиве? Да! Да ещё и с причёской от Сёмы и с потрясающим макияжем от Камилы. И к дому я приехала вся такая вау-вау сладкая морковочка.

А потом чуть ли не взвизгнула от восторга, когда параллельно со мной во двор заехал чёрный Гелендваген, запарковался, а затем из него выполз святой Михаил собственной персоной.

Я вся приосанилась и поплыла походкой от бедра, держа в уме, что я как минимум царских кровей.

Вошла в подъезд, а вслед за мной и сосед.

Тут же приехал лифт и открыл передо мной свои скрипучие ворота, и я молча шагнула в его металлическую пасть.

А потом с недоумением смотрела на то, как створка передо мной закрывается, а святой гамадрил молча проходит мимо и припускает по лестнице.

Мудак!

Глава 5 – Уел

Нина

Мой единственный за десять дней выходной, а я, вместо того чтобы провести его культурно, зачем-то решила учинить ревизию в собственном шифоньере. Достала из его глубин свадебное платье и тяжело вздохнула, а затем всё-таки сняла с него чехол и уставилась на облако белоснежного тюля.

В тот день я хотела быть похожа на принцессу, и платье выбрала под стать этому образу: с пышной юбкой и расшитым стеклярусом лифом. Ещё здесь когда-то были невесомые рукава-фонарики из органзы, но я их сорвала всего за полчаса до регистрации. И всё потому, что на выкупе невесты тамада порезала палец о край бумажного листа и капля её крови попала мне на манжету.

Мама тогда тут же чуть в обморок не шваркнулась, без умолку твердя о страшных суевериях. А я, не верящая в приметы, взяла и просто оторвала рукава к чертям собачьим. Думала, что всё уладила. Верила, что обойдётся.

Не обошлось. И Стёпы не стало. Был человек и нету.

И рука не поднимается сделать в этой квартире новый ремонт, хотя деньги есть. Заменить пожелтевшие обои, которые мы клеили вместе со Стёпкой. Поставить новый кухонный гарнитур, а старый, который когда-то собственными руками собирал покойный муж, выбросить на помойку. И избавиться от ветхого, скрипучего дивана, на котором мы провели бессчётное количество счастливых минут, я тоже была не в силах.

А теперь вот.

Ещё вчера каждое прожитое мгновение рядом со Стёпой переливалось в голове яркими гранями и заставляло меня с щемящим сердцем нырять в прошлое, забывая обо всём на свете. А сегодня, я замерла за шторой со свадебным платьем в руках и украдкой начала подглядывать за соседом, который с утра пораньше вышел на балкон и принялся тягать своё мощное, идеально вылепленное тело на турнике туда-сюда-обратно.

В одних боксерах, ладно облегающих его задницу и...и передницу.

Громко сглотнула и прижала ладонь к колотящемуся сердцу.

И уже нет дела до того, чем я занималась и о чём думала всего несколько минут назад. Глаза выпучила и смотрю, считая сколько раз святой Михаил сделает своё неприличное упражнение. Насчитала двадцать и выдохнула.

Но рано я радовалась.

Мишаня, будто бы с утра пораньше возымел цель меня извести. Ухватился левой рукой за перекладину турника, а правую убрал за спину и снова принялся изгаляться над моей психикой. Спустя десять подтягиваний, поменял руки и опять за дело.

А я смотрю на него, и меня трясёт. И низ живота заливает красноречивым жаром.

— Сволота! — рявкнула я и нахмурилась, но глядеть на него прекратила только тогда, когда сосед всё-таки скрылся со своего балкона.

А я ни петь, ни свистеть целый день не могу. Мою посуду, а перед глазами, как приклеенная, мужская упругая задница соседа стоит.

— Это всё потому, что секса у меня давно не было, — пробурчала я сама себе, — и телеса святого Михаила тут совершенно ни при чём.

Но время шло, сосед продолжал щеголять на балконе в одних труселях. А я, каюсь, всё чаще обнаруживала себя на посту за занавеской, рассматривая этого супостата и мечтая всадить ему в зад вилку для мяса. За неделю капитально озверела и отчаялась, а потому всё-таки согласилась сходить на свидание с одним из клиентов, который вот уже три с лишним месяца обивал пороги моего салона в надежде на то, что я скажу ему «да».

— Нинк, а Нинк? — окликнула меня Карина, когда мужчина, лучезарно улыбаясь от успеха, всё-таки вышел за дверь моей «Ласточки».

— Ну?

— А ты чего это Леониду свидание пообещала? Он же тебе не нравится?

— Так заметно? — скривилась я, и все мои девчонки дружно закивали.

— Да и не подходит он тебе, Нинусь, — потянула Сёма. — Ты у нас женщина шикарная, а этот Леонид... ну ни рыба ни мясо.

— Простоват, — согласилась Машка, — и коротковат.

— Зато смотрит на меня с восхищением, а не как..., — начала я и замолкла.

— Как кто? — хором потянули девчонки.

— А не как на Одинокovu Любовь Возбуждёновну, — буркнула я и вконец расстроилась.

— Это тебе кто такое ляпнул?

— Качек с полувалялой чакрой, — призналась я.

— Нашла кого слушать, — отмахнулись девчонки.

Но я слушала и бесконечно вспоминала обидные слова соседа, потому что он был прав. За долгие восемь лет в статусе вдовы, я так и не смогла встретить родственную душу. Мужчины приходили в мою жизнь и уходили из нее. Были и такие, из-за которых я грустила, что не получилось. Но в остальном даже была рада, когда отношения рвались, едва начавшись.

А потом и вовсе решила, что серьёзные романы — не моё. И полностью посвятила себя работе в салоне.

Конечно, мама твердила:

— Роди для себя! Поторопись, Нина, тебе уже тридцать три, а иначе в старости некому будет стакан воды принести. Да и я, знаешь как, хочу внуков понянчить?

Но меня от таких «дельных» советов неизменно корбило и тошнило, правда, в полемику я не вступала — себе дороже. Мама не поймёт, что не только её желания священны в этом мире, но и ещё обидится.

И все эти неаппетитные мысли до конца дня крутились в моей голове. А вечером, когда нужно было собираться на свидание, настроение пропало и вовсе. Подходящее платье не находилось, стрелки на глазах не подводились, и даже новое кружевное бельё сидело криво-косо, не доставляя привычного эстетического удовольствия.

Но время поджимало, и вот уже часы пробили восемь вечера. Я в последний раз критическим образом оглядела свою причёску, поправила на губах алую помаду и вышла за дверь, чутко прислушиваясь к звукам на лестничной площадке.

Мне почему-то до рези в глазах хотелось, чтобы чёртов сосед вышел тоже сейчас из своей квартиры и увидел, что я не Одинокова, а очень даже наоборот. И ухажёры у меня есть. И по ресторанам они меня водят. И вообще, я звезда пленительного счастья.

Но святой Михаил не услышал моих молитв, а потому мне пришлось в полном одиночестве спускаться в скрипучем лифте на первый этаж и топать на свидание, на которое я топать совсем не хотела.

Вышла из подъезда и растянула губы в пластилиновой улыбке.

— Здравствуйте, Леонид, — ухажёр подготовился: надел солидный костюм-тройку стального цвета, белую рубашку и повязал шею красным платок в тон моей помаде. И выглядел вполне себе сносно. Зря я не хотела с ним никуда идти.

— Вау... здравствуйте, Нина... вау...

— Это мне? — кивнула я на крохотный букетик жёлтых гербер в его руках.

— Вам, Нина... вау...

Содержательная у нас беседа выходит, однако.

Но не успела я как следует рассмотреть свои цветы, как во двор лихо залетел чёрный Гелендваген и запарковался в непосредственной близости от меня и Леонида.

Я тут же приосанилась. Разулыбалась. И вообще, душевно расцвела, задирая нос выше и транслируя всем и каждому простой посыл: «я счастлива всем чертям назло». Подхватила своего ухажёра под локоток и звонко рассмеялась какой-то его реплике, не понимая ни слова из того, что он сказал.

А между тем дверь Гелендвагена открылась, и из неё вышел святой Михаил собственной персоной. Зыркнул на меня недобро, и все мои внутренности от этого взгляда запищали от эйфории.

Да!

Вот только недолго музыка играла.

Стоило мне гордо прошагать под руку с Леонидом целых три шага, как сосед обогнул свою гробовозку, открыл дверь с пассажирской стороны и помог выйти из салона молоденькой белокурой красавице.

И в руках она держала не плюгавые герберы, а огромный букет белых роз.

Ну всё!

Глава 6 – Дура

Нина

— Нин, ну и чего это ты сегодня такая молчаливая, а? — вырывает меня из смога тухлых мыслей маникюрша Карина, но я игнорирую её вопрос и продолжаю планомерно подбивать чеки за прошедшую неделю. Монотонная, однообразная работа всегда меня успокаивала.

Всегда, но почему-то не сегодня.

— Колись давай, как свидание прошло, — настойчиво дёрнула меня за плечо Машка.

— Мы же ждём, — нахмурилась Сёма, — и очень переживаем за тебя.

И я сдалась, не забывая пропитать свой образ драматизмом, а голос заунывными нотками полного разочарования.

— Да что рассказывать, девочки. Квартира у него тоже маленькая...

И тут же перед глазами промелькнула картинка вчерашнего вечера. Ещё вполне себе ничего такое тело Леонида, без ужасного пивного животика или неаппетитных наевших вредной едой бочков. Но я смотрела на него и думала, что смогу сделать это всем святым Михаилам назло! А потом поняла, что нет.

Не моё, и всё тут.

И даже на поцелуй ответить не смогла. Извинилась и дала дёру.

Вот и сказки конец!

— Что? — заорала Маринка, выпучив на меня глаза. Хорошо хоть в салоне сейчас не было посетителей и можно было не беспокоиться, что от подобных воплей кого-то хватит апоплексический удар.

— Нина! — охнула Машка.

— Ты с ним переспала? — недоверчиво скривилась Камила.

— Признаться честно, я была настроена решительно, — кивнула я и поджала губы, немножечко подгазовывая от этого раздувания из мухи слона. А через секунду сорвалась и требовательно предъявила всем и каждому. — А ну-ка, все сняли с себя белые пальто. Живо!

— Да при чём тут это, Нинусь? — заломила руки Машка, — Просто ты же у нас всегда была скалой и всё такое. На первом свидании «ни-ни».

— Да не было там ничего, — отмахнулась я и ещё больше расстроилась. Даже бросила своё занятие и ринулась к кулеру, чтобы выпить пару стаканов ледяной воды.

Внутри меня бурлила иррациональная обида на весь этот несправедливый мир, а ещё отчего-то разбухли глаза и подбородок предательски подрагивал.

— Фух! — послышался дружный выдох.

— Просто настроение вчера у меня было предельно решительное и максимально романтическое. Настрой, так сказать, на любовь и счастливое будущее.

— Так и что? — высунулся из своего угла Эдик, жуя бутерброд и смотря на меня во все глаза с величайшим любопытством.

— Что, что? — фыркнула я, вспоминая матерным словом свои герберы и тот шикарный веник, коим одарил святой Михаил свою очередную постельную грелку. — Сначала был ресторан. На минуточку, рыбный.

— Ой, Нина, — в помещении послышался равномерный неодобрительный гул, но я шикнула и погрозила всем пальцем.

— Ну откуда ему было знать, что я рыбу на дух не перевариваю?

— Леонид, тьфу, — скривилась Машка.

— Да нет, в общем-то, было вкусно. Я заказала себе сырную тарелку и бокал отменного белого вина, а потом полтора часа пыталась сделать так, чтобы меня не вытошнило.

— Пронесло?

— Пронесло, — кивнула я.

— Ну хорошо, с этим мы разобрались, — прищурилась Карина, — но объясни мне, недалёкой женщине, как после такого провала, ты оказалась в квартире этого жалкого караса?

— Ведомая упрямством, — пожала я плечами, а затем всхлипнула и выдала, как на духу. — Любви хочу, девочки! Чтобы мужик аж повизгивал от чувств ко мне. Чтобы на руках носил. Чтобы у него крышу рвало от страсти. Понимаете?

— Понимаем, — вздохнул Эдик и посмотрел на меня с такой великой грустью в глазах, что мне тут же захотелось обнять парня и плакать.

— Нинк, а Нинк? — в своей излюбленной манере потянула Карина, задумчиво натирая пальцами подбородок.

— Ну?

— А не имеет ли к этому странному марш-броску на Леонидовы маленькие квартиры отношение твой новый сосед?

— Самая умная, да? — фыркнула я и отвернулась, чтобы не выдать себя с головой.

Признаваться, что я форменно взбесилась из-за роз, которые подарили не мне, было смерти подобно. Да и вообще, это была банальная бабская зависть, потому что никто и никогда за всё тридцать три года моей жизни не дарил мне таких великолепных веников.

Да, да, мне просто хотелось так же. Вот и всё!

А вообще, я девушка самостоятельная. Если никто не дарит, то я их сама себе подарю. Ободряюще кивнула я своему отражению в зеркале, а после работы прямоходом отправилась в цветочный салон, где выбрала себе огромный букетище с чайными розами, эустомами и лимониумом. Подхватила красоту и пошагала в сторону дома, уговаривая себя в том, что мне неважно, встретится ли на моём шагу святой гамадрил или нет.

Плевать!

Вот вообще до фонаря и точка!

Но уже во дворе я заметила чёрную гробовозку соседа на привычном парковочном месте и пропустила разочарованный вздох, а потому подъездную дверь дёрнула на себя с особой прытью.

Р-р-раз! И...

На меня всем своим недюжинным весом вывалился святой Михаил собственной персоной. Я же от такого неожиданного натиска сделала шаг назад, но оступилась и прямо так, с букетом в руках, приготовилась падать навзничь и биться затылком о бетонное крыльцо.

— Вот же чёрт! — взревел сосед.

— От чёрта слышу! — тут же грозно парировала я, замечая между делом, что Михаил, вцепившись в мою талию своими ручищами, категорически не даёт мне упасть. Да и я сама, словно клещ, впилась в его идеально выглаженную чёрную рубашку пальцами.

— Мегера! Надо было дать тебе размозжить черепушку! — и встряхнул так, что у меня зубы клацнули.

— А ну, руки от меня убрал, козёл! Иди, своих шлюх тряси, а меня не тронь. Ясно тебе?

— Да кому ты нужна?

— Нужна, - заорала я. — Во видал?

И сунула ему под нос букет.

— Бедный мужик.

— Главное, что он — не ты! — прошипела я змеей.

— Пф-ф-ф...

— Сволочь!

— Истеричка пришибленная!

— Ненавижу тебя!

— И это абсолютно взаимно!

— Как же ты мне противен!

— Ну да, охотно верю. Каждое утро в меня стрелы омерзения пускаешь, стоя за занавеской, да?

— Что??? — вспыхнула я, и неожиданно воздух застрял в горле, а тело ошпарило крутым кипятком.

И кажется, даже волосы на голове зашевелились.

— Что слышала! Или с нормальными мужиками в твоей жизни напряжёнка?

— Да как ты смеешь?

— Да, действительно, — прорычал сосед мне в лицо и наконец-то отпустил руку, которой удерживал меня за талию. Да и я свою отпустила, поражаясь тому, что за пеленой ярости не заметила, как мы орали друг на друга почти соприкасаясь носами.

И вдыхая один воздух на двоих.

Но в следующее мгновение потрясение прошло, а святой Михаил снова заставил меня вспыхнуть от ярости. Он сморщился и отряхнул руки, а затем посмотрел на меня устало и с изрядной долей скуки.

— Ещё не встречал бабы, более неуверенной в себе, чем ты, — оглядел с ног до головы, а затем фыркнул и отвернулся.

Будто бы брезговал.

Будто бы лишь сейчас наконец-то рассмотрел мои неидеальные формы.

И только я было собралась выцарапать этому дождевому червю все его наглые zenки, как подъездная дверь вновь открылась, а из неё вышла та самая блондинка, которой вчера мой сосед дарил роскошные букеты.

— Ну что, Миш, едем? — кинула девушка в мою сторону быстрый взгляд и вмиг потеряла интерес.

Конечно, куда мне до этой горной лани?

И снова за рёбрами истошно заныло, заклокотало, заскулило...

— Едем, — развернулся и направился к своей машине Михаил.

А я вошла в подъезд и всё-таки расплакалась. Не, ну не дура ли?

Дура!

Глава 7 – Не формат

Нина

Три недели спустя...

— Это чего с нашей Таней приключилось?

Мать моя, Раиса Сергеевна, примостила на табуреточке свою авоську и принялась вытаскивать из неё свежие закрутки: икру заморскую — баклажанную, маринованные корнишончики, лечо и вишнёвое варенье. У меня тут же началось обильное слюноотделение, и я немедленно достала из холодильника картофель, мечтая умять целую сковородку жареного деликатеса, прикусывая вот этими самыми божественными огурцами и домашним салом, коим меня ещё на прошлой неделе угостила Сёма-стилист.

— Нина, ты меня слышишь?

— Ась? — оторвалась я от чистки клубней и вопросительно взглянула на мать.

— Танька, говорю, чего такая угашенная? — Раиса Сергеевна кивнула в сторону гостиной, где на диване крепким сном после успокоительной медицины отборной валерианой спала моя лучшая подруга.

— Любовь, — отмахнулась я и снова вернулась к своему занятию.

— Подробности будут?

— Будут, но придётся сесть и употребить для храбрости. У меня есть две баночки светлого нефilterованного, чекушка коньяка в три звезды (не смотри на меня так, мне на работе подарили) и ещё бутылочка полусладкого просекко.

— Коньяк давай, — кивнула мама, и я ей тут же подмигнула.

Наполнила матери стопку, а к ней поставила тарелочку с лимоном. Себе же откупила игристое и, отхлебнув пару глотков, приступила к пересказу событий и чистке картошки.

— В общем, так: Татьяна наша сбежала от своего спонсора-террориста.

— Который ей оплачивал обучение в вузе и той навороченной школе?

— И который её домогался, да, — кивнула я.

— Надо было заявление на него написать, а не бег с препятствиями устраивать, — буркнула мать и замахнула первую рюмку.

— Согласна. Но проблематика вопроса и причина её возлежания на моём скрипучем диване не в том. Таня попала из огня, да в полымя. А именно угодила в прямое подчинение к своему бывшему однокласснику, из-за которого её два выпускных класса травили в школе.

— Ой...

— Да. А он, на её величайшую беду, взялся за старое, а именно принялся тянуть к нашей Тане свои похотливые клешни.

— И она ответила ему взаимностью?

— Ответила? Да она с первого взгляда по нему сохла и до сих пор не забыла, — погрозила я невидимому собеседнику ножом для чистки овощей и вернулась к повествованию. — Короче, любовная любовь длилась недолго. Оказалась, что её принц и не принц вовсе, а так — жаба болотная, имеющая в загашнике невесту, готовящуюся к свадьбе.

— Да ты что?

— Увы...

— А! Так она от правосудия скрывается? — коварно улыбнулась мать.

— Правосудия? — недоумённо переспросила я.

— Ну, она же этому кабелю за такие штрафы тяжкие телесные причинила, да? Ну там бубенцы отрезала или ещё что похуже.

— Мама! — ошалело охнула я. — Да ты страшная женщина!

Но Раиса Сергеевна в ответ на этот поклёп только звонко рассмеялась и вновь замахнула стопку трёхзвёздочного ароматного пойла. А я вернулась к рассказу жизненных перипетий лучшей подруги. Про то, как её уволили с работы и теперь она вот уже как три недели находится в бегах, попутно зализывая рваные раны на сердце.

(Кстати, историю любви Тани и Марка вы можете прочитать здесь: <https://litnet.com/shrt/hfhn>)

Спустя полчаса на скворчащей сковородочке дошла жареная картошечка, которую я подала на стол с зелёным лучком. Мы с мамой налупились до отвала, оставив порцию и для Тани, которая всё ещё спала крепким сном.

— Тебе бы тоже не помешало влюбиться, доченька, — подпёрла подбородок рукой мама и пьяненько глянула на меня из-под густых ресниц.

— Влюбиться не проблема, — вздохнула я, — но хочется же подарить сердце настоящему мужчине, а не какому-нибудь проходимцу.

— А к своему соседу ты уже присмотрелась? — ехидно улыбнулась Раиса Сергеевна.

— Что? А ты где успела его встретить? — ошалела я от такой новости.

— Вместе в лифте поднимались.

— Соболезную, — вся с ног до головы вспыхнула я.

— Это ещё почему? Мужчина на первый взгляд приличный, да ещё и атлетически развитый. Сразу видно — дружит со спортом.

— Зато с головой он не дружит, мам.

— Чего это ты так взъелась на Михаила?

— А-а-а, так ты ещё и познакомиться с ним успела?

— Да, — улыбнулась мать и кокетливо поправила причёску, — он мне сказал, что дочь вся в меня — такая же красавица.

— Ой, ля...

— Мне кажется, что ты этому Мише нравишься.

— Мам, он мне деньги за близость предлагал.

— Что? — охнула Раиса Сергеевна и замахнула последнюю рюмку коньяка.

— Что слышала — деньги за...

— Так стоп! Ты, наверное, человека неправильно поняла.

— Но...

— А даже если и нет, то лучше так, чем бесплатно отдаваться.

— Так, этому столику больше не наливать!

— Нина!

— Всё! Идите, мама, домой, вы пьяны!

— Я-то пойду. А ты, дочь моя, должна уже разобраться в себе, понять, что именно ты хочешь от жизни. Похудеть наконец-то и вернуть веру в себя.

— Я верю в себя, мам!

— Нет, не веришь, Нина. И соседа своего костеришь именно поэтому. Уверенная в себе женщина на твоём месте давно бы уже взяла этого Михаила в расход, окрутила его, да ещё бы и слупила в втридорога за свои услуги. А ты что? Корчишь из себя неформат.

— А я себя не на помойке нашла, Раиса Сергеевна, — перешла я на официальное обращение, давая понять матери, что дискуссия окончена, а она и спорить не стала.

Поднялась с шаткой табуреточки, прошла в гостиную, где до сих пор сладко спала вымученная Таня, поцеловала её в заплаканную щеку, потрепала меня за бочок и вышла за дверь, а я так и осталась стоять на лестничной площадке и тупо смотреть на закрывшуюся лифтовую шахту.

А спустя минуту вздрогнула, так как соседская дверь открылась, а из неё высунулась белобрысая головка.

— Здравствуйте.

— И вам не хворать, — посмотрела я на ту самую девчушку, которой святой гамадрил дарил шикарные букеты, а мне лишь делал сомнительные предложения.

— Я тут решила напечь оладушек Мише, завела тесто и только сейчас поняла, что в доме нет ни щепотки соды. У вас, случайно, не найдётся чуточек?

— Найдётся, — поджала я губы, но на кухню всё-таки потопала, где нашла искомое и вынесла соседке.

— Значит, вы вместе теперь живете? — против воли и неожиданно вырвался из меня вопрос.

— Пока да, — кивнула блондинка, а я знатно припухла. Видимо, и этой прелестнице святой Михаил предложил временный и ни к чему не обязывающий секс за деньги.

— Что ж, удачи вам.

— Я, Даша, кстати, — протянула девчушка мне свою руку, и я не посмела обидеть её игнором.

— Нина, — кивнула я.

— А я знаю, мне Миша говорил.

— А он откуда в курсе? — нахмурилась я, но блондинка только пожала плечами, и я не стала продавливать эту тему.

Да и какое мне дело, верно? На чужой ка-ра-вать рот не разевать!

— Ладно, я пойду, — только было собралась я скрыться в своей квартире, но Даша тут же ойкнула, подскочила на месте, крикнула «подождите» и на секунду скрылась с моих глаз. А потом появилась, держа в руках какую-то цветную бумажку.

— Что это? — недоумённо спросила я.

— Это... это флаер в спортивный клуб, что недавно открылся в новом торговом центре тут недалеко. На углу. Точнее, это купон на скидку в тридцать процентов при покупке годового абонемента.

— Думаете, мне надо? — не скрывая яда, спросила я.

— Нет, что вы, — подняла руки вверх блондинка и покраснела вся с ног до головы, — это просто благодарность. За соду.

— Вот спасибо, — кивнула я и всё-таки потопала домой.

А там долго стояла перед зеркалом и глядела на своё отражение. На крутые бёдра. На пышную грудь. На всю себя расчудесную и распрекрасную. А спустя ещё пару минут решила, что всё-таки воспользуюсь флаером на скидку, пойду в злосчастный зал, верну былые очертания стройной лани и всё-таки сведу святого Михаила с ума.

Просто так, забавы ради...

Глава 8 – Новая жизнь

Нина

— Это чего ты там рассматриваешь, Нина? — орудуя ножницами и подравнивая мне кончики, спросила стилист Сёма.

— Да мне тут скидку подогнали в новый спортивный клуб, что недавно открылся недалеко от моего дома. Вот я и думаю, что надо бы наконец-то купить абонемент и начать качать задницу.

— Нина, окстись! — крикнула от своего стола Карина. — У тебя самая зачётная задница во всём мире. Куда уж лучше?

— Не льсти мне, — передёрнула я плечами и хмыкнула, пролистывая услуги, предоставляемые клубом.

Вау! А не плохо так, однако. Здесь, помимо стандартного тренажёрного зала, был бассейн на четыре дорожки, а ещё СПА-зона, где можно было расслабиться после долгого рабочего дня, отдав себя в руки профессиональным массажистам, ну или погреть кости на выбор в хаммаме, финской сауне, инфракрасной кабине. Ну или просто побултыхаться в джакузи.

Круть!

Даже если не похудею, то кайфану.

— Нинель, ты почти восемь лет не парилась насчёт своих аппетитных форм. Давай, колись скорей, кто тот, кто заставил тебя задуматься о похудении? — заглянул к нам в зал Эдик, намазывая свои неестественно пухлые губы гигиенической помадой. — Неужели Анатолий?

— П-ф-ф, этот перец сгасился сразу же после первого свидания. Руку даю на отсечение, что мы этого персонажа и как постоянного клиента потеряли. Но, отвечая на ваш вопрос, скажу так — это была моя мать, — не моргнув и глазом, соврала я.

— С каких пор ты начала слушать маму, Нина? — не особо нежно дёрнула меня за прядь Сёма.

— Но она права, сейчас мужики практически повсеместно зомбированы. Им со всех носителей транслируют, что женщина должна быть скелетом, обтянутым кожей и никак иначе. Чтобы ключицы выпирали, как у умертвия. Чтобы коленки острые угрожали проткнуть насквозь. Чтобы талию можно было двумя руками обхватить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.